

K-205

K

11/5

205

ЖУРНАЛЪ

171 ⁶/₉

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО

ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CXLV

177355
72300
1236/195

ПРОБЕЖНО
1915

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Печатня В. Головина, Владимирская, № 15

1869

ИЗЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Прошедшее нашихъ университетовъ до сихъ поръ мало обращало на себя вниманіе не только нашего общества, что еще понятно, но и самихъ этихъ учреждений. Живя настоящею минутою, которая предлагаетъ такъ много задачъ для ежедневныхъ трудовъ и такъ крѣпко приковываетъ къ себѣ всего современнаго человѣка, мы неохотно обращаемся къ тому, что давно пережито, хоть и признаемъ справедливость старой истины, что дѣйствительный смыслъ настоящаго познается изъ прошедшаго. А между тѣмъ наши университеты, безспорно, пользуются самымъ живымъ сочувствіемъ общества. Судьба ихъ возбуждаетъ интересъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ людей съ самыми разнообразными, даже противоположными направленіями. Если радикальная реформа какого-нибудь высшаго, хотя бы и привилегированнаго, спеціальнаго учебнаго учрежденія можетъ пройти едва замѣченною, то сколько-нибудь существенная правительственная мѣра противъ университетовъ или въ пользу ихъ отзывается далеко и порождаетъ безконечныя толки. Причины этого понятны. Университеты, такъ радушно и гостепріимно открывающіе свои двери всѣмъ званіямъ, словіямъ и состояніямъ, всѣмъ, кто только можетъ добраться до этихъ дверей, уравнивающіе въ своей средѣ всѣ сословныя и имущественныя различія, надѣляющіе всѣхъ такою пищею, какой каждый пожелаетъ, и отпускающіе потомъ своихъ питомцевъ на всевозможныя поприща общественной дѣятельности, — самое жизненное и необходимое учрежденіе, связанное съ общественною жизнью безчисленнымъ и неразрывнымъ узами. Такимъ характеромъ университетовъ объясняется и то, что самыя лучшія и самыя дорогія впечатлѣнія и воспоминанія у питомцевъ университетскихъ на всю жизнь неразрывно связаны съ мыслью о мѣстѣ ихъ высшаго образованія. Вотъ что пи-

салъ въ совѣтъ, спустя лѣтъ пять по открытіи Харьковскаго университета, второй его ректоръ, Стойковичъ, о двухъ учителяхъ гимназіи, вышедшихъ изъ университета: „Они никогда не были бы такъ неблагодарны къ университету, ихъ воспитавшему, не стали бы подкапываться подъ него, писать противъ него, что было бы первымъ примѣромъ за все время существованія университетовъ“. Въ настоящее время честь и достоинство каждаго университета затрагиваютъ самыя живыя симпатіи многочисленныхъ его воспитанниковъ, нерѣдко стоящихъ на передовыхъ постахъ общественной жизни и руководящихъ самыми разнообразными ея отправленіями.

Исторія такого учрежденія не можетъ не имѣть интереса для самой легкой любознательности, и этотъ интересъ будетъ тѣмъ сильнѣе и живѣе, чѣмъ больше будетъ касаться внутренней жизни университета, того, чѣмъ прежде всего обуславливается успѣхъ его дѣятельности, и отъ чего прежде всего зависитъ его возвышеніе и упадокъ. Самое же существенное условіе внутренней жизни университета, отъ котораго зависитъ его сила и слабость, а слѣдовательно, сила и слабость его вліянія на общество, заключается въ достоинствѣ профессоръ: ихъ составомъ, характеромъ, направленіемъ ихъ дѣятельности и даже ихъ взаимными отношеніями опредѣляется степень напряженія или ослабленія внутренней жизни университета.

Что взаимныя отношенія профессоровъ не безразличны для благосостоянія университета, объясняется уже тѣмъ, что отъ нормальнаго или ненормальнаго ихъ развитія зависитъ внутреннее спокойствіе, безъ котораго невозможенъ полный успѣхъ дѣла. Если ненормальное и вредное для дѣла развитіе ихъ и можетъ быть остановлено внѣшними, налагаемыми сверху, мѣрами, то должно сознаться, что на прочное и продолжительное вліяніе этихъ мѣръ едва-ли много можно разчитывать, тѣмъ болѣе, что онѣ могутъ быть направлены только на рѣзкія и крупныя проявленія, которымъ большею частію предшествуетъ продолжительный процессъ развитія, не замѣтный для наблюдающаго издали.

Указывая на это обстоятельство, мы особенно имѣемъ въ виду провинціальныя университеты. Если въ столичныхъ университетахъ духъ партій не составляетъ характеристической принадлежности внутренней жизни этихъ учреждений, если самыя партіи не обозначаются рѣзко, то это объясняется сравнительно болѣе широкою сферою дѣятельности столичныхъ профессоровъ, болѣшимъ разнообразіемъ интересовъ, развлекающихъ ихъ дѣятельность и не дающихъ имъ сосре-

доточиться на одномъ университетѣ. Профессоръ столичнаго университета относится къ послѣднему преимущественно по своей главной обязанности, по чтенію лекцій, на все же остальное смотритъ большею частію съ официальной, внѣшней точки зрѣнія: сосредоточиваться на дѣлахъ факультета и совѣта, углубляться въ нихъ, исключая, конечно, случаи особенной важности, ему нѣтъ времени и охоты. Далекъ не такъ относится къ явленіямъ внутренней жизни университета профессоръ провинціальный, не развлекаемый сторонними интересами и волею-неволею сосредоточивающій на университетѣ всю свою дѣятельность, всѣ свои симпатіи и антипатіи: онъ вноситъ во всю сумму своихъ служебныхъ отношеній къ университету жизнь, душу, сердце. Это участіе сердца, по простому психологическому закону, неразлучно со всевозможными увлеченіями, съ возбужденіемъ духа партій, страстей, затрудняющимъ объективное обсужденіе дѣла. Съ возбужденіемъ же чувства и страсти провинціальный профессоръ неизбѣжно преувеличиваетъ значеніе и размѣры дѣлъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, и нерѣдко истрачиваетъ на нихъ больше силъ и времени, чѣмъ сколько они заслуживаютъ. Явленіе это совершенно естественно и едва-ли устранимо, и можно только пожалѣть о томъ, что такая растрата дорогихъ силъ и времени производится не безъ ущерба для существа дѣла, для науки, которая во время этихъ увлеченій, разумѣется, отодвигается на задній планъ и должна довольствоваться остатками утомленнаго вниманія. Въмѣстѣ съ тѣмъ естественно замедляется движеніе самого университета по пути къ его назначенію, ослабляется образовательное вліяніе его на общество, а разгаръ страстей служить только къ подрыву довѣрія и уваженія къ университету.

Если же указанная нами черта различія между столичными и провинціальными профессорами можетъ имѣть нѣкоторое примѣненіе къ настоящему времени и къ настоящему состоянію провинціальныхъ университетскихъ городовъ, то что же сказать о той небольшой и разнородной университетской коллегіи, которая собралась съ разныхъ сторонъ и открыла свою дѣятельность въ Харьковѣ въ 1805 году? Какъ изолировано было положеніе собравшихся здѣсь представителей тогдашней науки, доказываетъ, между прочимъ, рапортъ въ совѣтъ профессора Швейкорта отъ 12-го мая 1815 года, въ которомъ онъ жалуется на то, что получилъ съ родины одно только письмо, и изъ него узналъ, что родные его получили отъ него тоже одно только письмо, и то спустя три года послѣ отправления его изъ Харькова: „Inest in hac re acerbitas quaedam“ — пишетъ Швейкортъ — „quae magis intellectu

percipi, quam verbis exprimi potest, nam vivus illis mortuus sum et illi mihi". Прося принять мѣры къ устраненію этого зла, Швейкортъ замѣчаетъ: «Quod corpori sanguis est et negotiationi pecunia, idem est rei litterariae communicatio idearum». Что такое былъ Харьковъ въ то время, намъ придется указать послѣ въ общихъ чертахъ, а теперь скажемъ только, что много требовалось усилій, чтобы собрать эту небольшую коллегію и удержать на мѣстѣ, не смотря на весьма почтенный окладъ, предоставленный профессорамъ уставомъ 1804 года.

Весьма любопытное явленіе представляетъ Харьковский университетъ въ первое время своего существованія. Предназначенный быть образовательнымъ центромъ для всего юга Россіи, онъ сначала былъ, можно сказать, единственною ярко освѣщенной точкою на этомъ безпредѣльномъ степномъ пространствѣ, по которому только кое-гдѣ мелькали едва замѣтныя небольшія свѣтлыя точки, такъ-называемыя главныя народныя училища. Свѣтъ отъ этой ярко свѣтящейся точки начинаетъ распространяться все шире и шире, лучи свѣта начинаютъ проникать все дальше и дальше; число прежнихъ точекъ начинаетъ увеличиваться съ каждымъ годомъ, и сами онѣ получаютъ больше свѣта, начинаютъ свѣтить ярче и освѣщать совсѣмъ темныя до того пространства. Въ самомъ университетѣ скопляется все больше и больше свѣта отъ постепенно увеличивавшагося состава профессоровъ; съ тѣмъ вмѣстѣ утверждается все прочнѣе и прочнѣе образовательная его дѣятельность. Но незавидно было положеніе этой первоначальной просвѣтительной коллегіи, составившейся изъ людей разныхъ національностей, съ различными понятіями, взглядами, убѣжденіями, съ различнымъ характеромъ и направленіемъ собственнаго образованія,—коллегіи, осѣвшей на почти непочатой и не совсѣмъ привѣтливой почвѣ. Въ ней, рядомъ съ немногими Русскими, собравшимися въ Харьковъ тоже съ разныхъ сторонъ обширной Россіи, можно было видѣть и Француза времени революціи, и Нѣмцевъ, вынесшихъ изъ своего поработеннаго отечества непримиримую ненависть къ Наполеону, и Италіянца, и венгерскаго Славянина. Такая разнородность состава, такое различіе взглядовъ, убѣжденій и образованія, при отсутствіи развлекающаго разнообразія интересовъ, при сосредоточеніи всей дѣятельности на весьма ограниченной сферѣ, вели неизбѣжно къ антагонизму, порождали духъ партій, возбуждали страсти,—и вотъ къ этой-то первоначальной коллегіи могутъ быть вполне примѣнены приведенныя нами соображенія о значеніи для внутренняго благосостоянія университета взаимныхъ отношеній профессоровъ. По време-

намъ этотъ антагонизмъ принималъ опасные размѣры, вовсе не свойственные тихому жилищу науки и вызывавшіе даже вмѣшательство начальства. Въ это время, можно съ увѣренностію сказать, сила свѣта, исходявшаго изъ университета, и его благотѣльное вліяніе на страну много ослаблялись личною борьбою между профессорами. Читая теперь, на разстояніи шестидесяти лѣтъ и при совершенно безстрастномъ отношеніи къ предметамъ борьбы, памятники этихъ столкновеній, нельзя по временамъ не испытывать весьма грустнаго чувства и не спрашивать себя, къ чему гибель сія бысть.

Было впрочемъ одно обстоятельство, которое, съ одной стороны, еще болѣе усиливало образовательное вліяніе Харьковскаго университета на страну, а съ другой, расширяя кругъ дѣятельности профессоровъ, отвлекая ихъ отъ ограниченной коллегіальной среды и отрывая, такъ-сказать, нейтральную почву, по нашему мнѣнію, много содѣйствовало умѣренію и охлажденію страстей. Я разумѣю возложенное на университеты уставомъ 1804 года завѣдываніе и управленіе всѣми существующими въ краѣ учебными заведеніями. Чтò бы ни говорили о тѣхъ отношеніяхъ, въ какія университеты были поставлены въ училищамъ уставомъ 1804 года, никакъ нельзя отрицать существенной пользы, проистекавшей изъ той органической связи, которая была установлена тогда между университетами и училищами. Лѣтъ шесть тому назадъ, когда отовсюду слышались жалобы на упадокъ гимназическаго образованія, мы высказывали мысль, что причинъ упадка общаго образованія должно искать, между прочимъ, и въ уничтоженіи этой связи, въ устраненіи непосредственнаго и постояннаго вліянія университетовъ на среднія и низшія учебныя заведенія, въ преобладаніи въ надзорѣ за ними канцелярскаго порядка, обращеннаго преимущественно на формальную сторону дѣла. Мысль эта и теперь кажется намъ справедливою съ ея общей стороны, хотъ и должно согласиться, что практическое ея примѣненіе можетъ имѣть значительныя неудобства и затрудненія. Какъ бы то ни было, уставомъ 1804 года Харьковскому университету были подчинены всѣ учебныя заведенія на всемъ пространствѣ южной Россіи; при немъ существовалъ особый училищный комитетъ изъ профессоровъ, избираемыхъ совѣтомъ и доносившихъ ему о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ. Изъ среды ихъ назначались такъ-называемые визитаторы для личнаго обозрѣнія гимназій и училищъ, снабжаемые особыми инструкціями и обязанные представлять по возвращеніи подробные отчеты о результатахъ ревизіи. Такимъ образомъ, въ первыя тридцать лѣтъ Харьковскій университетъ

былъ въ обширномъ смыслѣ центральнымъ образовательнымъ учрежденіемъ, отъ котораго зависѣло учебное дѣло во всей южной Россіи: каждое измѣненіе въ порядкѣ и направленіи обученія, въ дисциплинѣ, въ составѣ учителей, въ матеріальномъ состояніи училищъ, исходило непосредственно отъ университета. Ознакомившись съ относящимися сюда свѣдѣніями въ официальныхъ матеріалахъ, мы можемъ сказать, что по крайней мѣрѣ въ первое время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, университетъ, и конечно, прежде всего члены училищнаго комитета, относились весьма серіозно къ этой, возложенной на нихъ уставомъ, обязанности, хотя она и не составляла существенной части ихъ дѣятельности. Не имѣя намѣренія подробно обозрѣвать здѣсь эту сторону дѣятельности Харьковскаго университета, мы представимъ только немного общихъ ея чертъ. Въ 1805 и 1806 годахъ университетъ открылъ въ округѣ три гимназіи, десять уѣздныхъ, шестнадцать приходскихъ училищъ и пять частныхъ пансіоновъ. Въ 1805 году всѣхъ учащихся въ гимназіяхъ и училищахъ было 3967, а въ 1814 году, къ концу разсматриваемаго періода, ихъ было 7190; съ 1806 по 1815 годъ изъ учившихся въ университетѣ опредѣлено учителями 97.

„Университетъ“ — говоритъ профессоръ Рижскій въ рѣчи своей о занятіяхъ университета въ 1805 и 1806 годахъ — „не оставлялъ и внѣшнихъ своихъ попеченій объ училищахъ въ округѣ его, — узнать внутреннее состояніе заведеній, коими долженъ управлять, узнать директоровъ, смотрителей, учителей, учащихся, бібліотеки, дома, на содержаніе суммы, расположеніе жителей къ учебной части; на сей конецъ требованы отъ директоровъ свѣдѣнія, а для точнѣйшаго изслѣдованія всего на мѣстѣ въ теченіе двухлѣтія шестикратно отправляемы были отъ университета визитаторы, которые объѣхали почти весь округъ“. Профессоръ Роммель, уже изъ Касселя, въ 1815 году, въ письмѣ къ ректору проситъ его сообщить ему свѣдѣнія объ устройствѣ училищъ университетомъ, въ видѣ каталога о числѣ открытыхъ имъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. „Всѣ ученые въ Россіи и Германіи, кого только я видѣлъ“, — пишетъ Роммель, — „приглашали меня обнародовать эти свѣдѣнія, такъ какъ всѣ признавали и признаютъ, какія заслуги Харьковскій университетъ оказалъ южной Россіи въ столь короткое время. Пусть же будетъ извѣстно всему образованному міру, что нами сдѣлано въ это время“ (дѣла 1815 года).

Чтобъ оцѣнить дѣятельность университета относительно подвѣдомыхъ ему среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, необходимо обра-

тить вниманіе на тѣ затрудненія, которыя ему приходилось постоянно преодолевать. Если и въ настоящее время приходится нерѣдко встрѣчать со стороны мѣстнаго населенія оппозицію противъ направляемыхъ на него образовательныхъ мѣръ, то что же сказать о подобной оппозиціи въ началѣ нынѣшняго вѣка? Отчеты визитаторовъ представляютъ весьма краснорѣчивыя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи. „Въ семь-то городѣ“ (Ливнахъ) — читаемъ мы въ отчетѣ Дюгура 1810 года — „опытомъ извѣдалъ я, съ какою силою предразсудковъ люди сего званія отклоняютъ учрежденіе заведенія, плодами котораго они первые должны воспользоваться“. По настоянію Дюгура, городское общество собиралось четыре раза, и не смотря на то, что городской голова былъ на сторонѣ визитатора, дало отрицательный отвѣтъ по всѣмъ пунктамъ. Только послѣ предъявленія резолюціи гражданскаго губернатора Ливенскому городничему, по настоянію послѣдняго, открыта подписка, по которой собрано всего 500 рублей. „Купечество въ Кромахъ, гдѣ также не было училища“, — пишетъ Дюгуръ, — „отказало и въ малѣйшемъ даже пожертвованіи съ своей стороны; никакіе доводы не могли его тронуть, даже проповѣдь о пользѣ воспитанія, которую, по просьбѣ моей, сказывалъ имъ протопопъ Знаменскій, ниже примѣръ сего достойнаго священника, пожертвовавшего 25 руб. на учрежденіе училища и общаваго, кромѣ того, по смерти свою ежегодно вносить такую же сумму“. Здѣсь не помогла и губернаторская резолюція. „Въ Брянскѣ, только дабы избавиться отъ моихъ докукъ, градская дума объявила, что она не будетъ собирать купечества, а предоставляетъ каждому лично подписывать сумму, какую ему благоугодно будетъ“. Спустя немного времени, визитаторъ получилъ увѣдомленіе, что „ни одинъ купецъ никакого пожертвованія не захотѣлъ учинить“. Въ Елецѣ дума тоже не хотѣла собираться, зная, въ чемъ дѣло; и самъ губернаторъ, бывшій тогда въ этомъ городѣ, ничего не могъ сдѣлать. Наконецъ, Дюгуръ получилъ бумагу съ рѣшительнымъ отказомъ. „Это такая бумага“, — пишетъ онъ, — „которую я желалъ бы уничтожить для чести жителей Елецкихъ“ (она и не сохранилась въ дѣлахъ). Визитаторъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству, выходившему даже за предѣлы его полномочій: онъ увѣрилъ голову, что тотъ непременно получитъ, по представленію университета, значительную почетную награду чрезъ министра народнаго просвѣщенія. Мѣра подѣйствовала: голова Желудковъ пожертвовалъ въ пользу училища прекрасный каменный домъ среди города. „Сей способъ служить своему отечеству, единственно дабы получать отличія“, — замѣчаетъ Дюгуръ, — „покажется

мало деликатнымъ; но безкорыстіе есть весьма рѣдная добродѣтель. Станемъ пользоваться пожертвованіями, откуда бы оныя ни происходили, не рассматривая при томъ причинъ, кои побудили оныя дѣлать, а будемъ радоваться, когда страсти человѣческія побуждаютъ людей творить добрыя дѣла". Впрочемъ должно отдать справедливость дворянству, которое въ важномъ дѣлѣ обезпеченія существованія училищъ явилось дѣйствительно передовымъ, руководящимъ словомъ. Какъ изъ этого отчета, такъ и изъ другихъ видно, что оно съ сочувствіемъ и съ готовностію къ пожертвованіямъ относилось къ введенію народнаго образованія, при содѣйствіи университета. Замѣчательно, что нѣкоторую сдержанность въ этомъ отношеніи, напримѣръ, Орловскаго дворянства, Дюгуръ объясняетъ опасеніемъ, чтобъ его пожертвованія въ пользу устройства училищъ не получили другаго назначенія, котораго дворянство вовсе не имѣло въ виду. Дворянство указывало на подобные примѣры, и даже убѣжденія визитатора, что всѣ пожертвованія, принятія при участіи университета, всегда достигали своего назначенія, не устранили укоренившагося предубѣжденія.

Представляя въ своихъ отчетахъ требуемыя обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи училищъ, учебнаго дѣла, о характерѣ и образѣ жизни учителей¹⁾, предлагалъ разныя средства къ ихъ улучшенію, визитаторы большею частію не ограничивались предѣлами заданной темы, а касались и общей стороны дѣла, общаго его направленія: они наблюдаютъ за общимъ настроеніемъ относительно учебнаго дѣла въ мѣстномъ населеніи, надъ занятіями и образомъ жизни послѣдняго, представляютъ характеристики посѣщенныхъ ими мѣстъ, заботятся о приобрѣтеніяхъ въ пользу университета, литературныхъ, археологическихъ, нумизматическихъ. Въ любопытномъ отчетѣ Тимковскаго, отправленнаго визитаторомъ въ землю войска Донскаго въ 1805 году, довольно живо изображаются, съ одной стороны, тогдашнее состояніе общества въ этомъ отдаленномъ углу Россіи и понятія его объ

¹⁾ Въ этомъ отношеніи отчеты Француза Дюгура отличаются большею живостію сравнительно съ другими. Напримѣръ, объ учителѣ Бѣлгородскаго училища Гриценковѣ, просившемся въ смотрители, онъ пишетъ въ отчетѣ: «Учитель сей имѣетъ порокъ, долженствующій исключить его отъ всякаго начальническаго мѣста—пьянство.... Но онъ то имѣетъ въ себѣ особенное, что легко можно узнать по наружному виду, не предался ли онъ какому излишеству. Трезвъ ли онъ — тогда носитъ голову прямо и твердо, а ежели не трезвъ, то голова его тогда наклонена бываетъ къ плечу, и уголъ наклоненія, составляемый оною съ симъ плечомъ, есть настоящею мѣрою трезвости».

образованіи, съ другой—разнообразныя впечатлѣнія, произведенныя на Донцовъ введеніемъ новаго порядка народнаго образованія.

„Когда изданы предварительныя правила народнаго просвѣщенія“, — пишетъ Тимковскій, — „то хотя и немногіе въ подлежащей силѣ и обширности разумѣють, каково будетъ новое и всеобщее по нимъ устройство училищъ и ученія, однако всѣ почти съ уваженіемъ отзываются о семъ, предвѣщая себѣ что-то великое, полезнѣйшее и въ самой формѣ отличное предъ нынѣшними народными училищами. Нѣкоторые, изъ предпочтенія къ воинскому состоянію, а болѣе къ чинамъ его, и изъ предразсудка, что для нихъ меньше учиться надобно, другіе, сомнѣваясь, чтобы студенты легко могли получать мѣсто службы, желали бы учрежденія военныхъ школъ; есть изрѣдка и такіе, кои, почитая просвѣщеніе вреднымъ или ненужнымъ, не хотѣли бы вообще образованія училищъ, а особливо университетовъ. Но оно лестно и вожделѣнно для тѣхъ, кои некутся о воспитаніи своихъ дѣтей и родственниковъ, и коимъ нужно и пріятно находить исправное теченіе и производство дѣлъ всякаго рода и вообще людей свѣдущихъ и добрыхъ во всякомъ званіи. Чѣмъ скорѣе устроится заведеніе сіе, тѣмъ ближе ожидаемая отъ него польза. Тогда откроются купно и всѣ способы къ воспитанію и наставленію женскаго пола, къ большому успѣху нравовъ, ума и вкуса мужчинъ“.

Замѣчательно мнѣніе визитатора о сильно и повсемѣстно господствовавшемъ тогда между дворянами предразсудкѣ противъ совмѣстнаго обученія ихъ дѣтей съ мѣщанскими и даже крестьянскими. Тимковскій, конечно, понималъ несостоятельность этого сословнаго предразсудка, но зная силу его, въ то же время признавалъ, что рѣшительныя дѣйствія противъ него учебной администраціи принесутъ больше вреда, чѣмъ пользы, отдалять дворянство отъ новыхъ училищъ, которымъ такъ нужна была поддержка со стороны этого сословія, а потому въ своемъ отчетѣ онъ старается провести среднюю, примирительную, хоть и временную, мѣру, старается даже оправдать эту мѣру тѣмъ, что въ первое время слишкомъ рѣзкое различіе въ нравахъ и привычкахъ дворянскихъ, мѣщанскихъ и крестьянскихъ дѣтей дѣйствительно можетъ оказаться вреднымъ.

„Было время въ Украинѣ и Малороссіи“, — говоритъ Тимковскій, — „что господа не брезгали учиться по семинаріямъ вмѣстѣ съ разночинцами; но когда правленіе столько утончило уже разность званій повсюду, то зачѣмъ ослаблять и разрушать при воспитаніи безвременно и насильно сію политическую пружину? Отъ обычая учиться дворянамъ наравнѣ съ крѣпостными людьми можетъ быть больше потери, чѣмъ приобрѣтенія, когда нѣкоторыхъ разночинцевъ образъ мыслей и жизни, обращеніе, разговоръ и поступки, не соответствуя цѣли воспитанія дворянскихъ дѣтей, сообщаютъ имъ свой духъ и тонъ; и мелкіе дворяне, учась вмѣстѣ съ крестьянами богатыхъ и знатныхъ владѣльцевъ, привыкають къ чувствію сугубой низости. Словомъ, хотя и надобно стараться, чтобы достоинство ума и знаній сдѣлалось общимъ, но

печальная мысль, что надобно ввести въ гимназіи и уѣздныя училища разность званій, есть также необходимая истина, въ снисхожденіе дворянству, коего образованіе въ первыхъ нужно“.

Эта, предлагаемая Тимковскимъ, средняя мѣра состоитъ въ томъ, чтобы въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ ввести для дворянъ особые столы впереди, а крестьянъ не допускать въ гимназіи ужь и потому, что „тамошнее ученіе требуетъ ученика такихъ лѣтъ, когда имъ слѣдуетъ заниматься уже сельскими работами или промыслами, развѣ университетъ достовѣрно знать будетъ, что они съ отличными дарованіями. Найдутся, вѣрно, и такіе классы, въ которыхъ учиться имъ однимъ прилично. Когда же лѣтъ черезъ пять или болѣе дворяне получаютъ привычку отдавать дѣтей въ училища, тогда уже можно будетъ, если угодно, возвратитъ нынѣшнюю неразборчивость званій“. Предубѣжденіе это тогда было общее и понятное, объясняемое общественнымъ положеніемъ дворянъ. Рѣзкія границы, положенныя между дворянами и остальными сословіями, естественно порождали неохоту въ первыхъ отпускать своихъ дѣтей на состязаніе съ дѣтьми послѣднихъ тамъ, гдѣ успѣхи опредѣляются не сословными привилегіями, а общими для всѣхъ привилегіями ума и дарованій. Въ приведенныхъ словахъ Тимковского, какъ дворянина, хотѣ и обучавшагося въ Переяславской семинаріи и Кіевской академіи, можетъ быть, заключается и нѣкоторая доля сочувствія этому дворянскому предубѣжденію.

Въ своихъ общихъ размысленіяхъ о народномъ образованіи Тимковскій касается и другаго весьма важнаго вопроса, такъ недавно занимавшаго наше общество: слѣдуетъ ли, и не вредно ли, въ видахъ общественной пользы, давать образованіе крестьянамъ? Визитаторъ съ рѣшительностію возстаетъ противъ отрицательнаго рѣшенія этого вопроса, бывшаго тогда, очевидно, въ полномъ ходу

„Ежели учившійся крестьянинъ“ — говоритъ онъ — „придется одинъ изъ пяти или десяти, то онъ не за такую въ селѣ будетъ рѣдкость, меньше самъ станетъ дорожить своими свѣдѣніями и отдѣляться отъ своей братьи и работъ ихъ, нежели теперь, считая себя однимъ изъ ста или двухсотъ... Просвѣщеніе никогда не приводило къ неустройству, равно какъ и тотъ не виновать, кто выросъ изъ своего платья, и оно для него узко стало; главнымъ же предметомъ приходскихъ, какъ и уѣздныхъ, школъ — не отвлеченныя какія-либо умствованія, но то, чтобы учащихся однихъ вразумить въ законѣ и нравственности, въ хозяйствѣ и промышленности, и открыть имъ глаза на мѣстныя выгоды, требуемыя ихъ же состояніемъ, а другихъ сверхъ того приготовить къ дальнѣйшимъ познаніямъ, предназначенію ихъ соотвѣтственнымъ“.

Вообще, въ своемъ прекрасномъ отчетѣ Тимковскій старается съ

разныхъ сторонъ обозрѣть все учебное дѣло и предлагаетъ всегда практическіе и полезныя совѣты и наставленія о содержаніи учениковъ, о надзорѣ за ними въ городѣ, объ устраненіи такъ-называемаго имъ кочеваго ученія, то-есть, о непрерывности посѣщенія классовъ учениками, о вредѣ отъ многопредметности обученія, о наградахъ и наказаніяхъ, о преимуществахъ „аналитическаго и съ изъясненіемъ сопряженнаго способа обученія“¹⁾, о первоначальной книгѣ для чтенія, любопытной и вмѣстѣ назидательной, о нравственномъ образованіи вообще, при чемъ находитъ общеупотребительную тогда въ школахъ для этой цѣли книгу «о должностяхъ чловѣка и гражданина» непригодною²⁾, о библіотекахъ для учителей и для учениковъ, по крайней мѣрѣ при губернскихъ училищахъ.

Въ 1807 году Тимковскій, ревизовавшій Воронежскія училища, возвратился въ Харьковъ съ пріобрѣтенными имъ книгами для университета, между прочимъ, съ автографомъ перевода *Виргиліевой Энеиды* нашего поэта *Василія Петрова*, съ желѣзнымъ топорикомъ съ серебряными насѣчками, пожертвованнымъ Воронежскимъ фабрикантомъ *Тулновымъ*, и со 120 монетами, пожертвованными мѣщаниномъ *Гарденинымъ*, при слѣдующемъ письмѣ на имя визитатора:

¹⁾ «Теперь ничего нѣтъ легче, какъ быть хорошимъ учителемъ и исправнымъ ученикомъ въ народныхъ училищахъ: стоитъ спрашивать и отвѣчать по выученному изъ книги; но легко усмотрѣть, что сіи вопросы и отвѣты, не преслѣдуя матеріи въ подробность, но занимаясь ею отрывочно и нечаянно, весьма взбивчивы для разсудка, сколь ни вертлявы и блистательны бываютъ... Напротивъ того, ежели учитель, держась классической книги, расскажетъ матерію, изъяснить ее и прибавленіями любопытными и полезными дополнить, заставитъ лучшаго ученика повторить сказанное, и потомъ, когда увидитъ, что поняли изъясненіе его, предложить ученикамъ вопросы одинъ за другимъ въ связи, и подробно анализируетъ ими матерію, то такой способъ, напрягая силы учителя, будетъ изощрять и распространять понятіе ученика, пріучать его къ внимательности и вмѣстѣ образуетъ даръ слова его».

²⁾ Книга эта издана въ 1783 году и по Высочайшему повелѣнію введена для чтенія во всѣ народныя училища. Съ того времени по 1817 годъ было 11 ея изданій. Въ 1819 году, по предложенію покойнаго митрополита *Филарета*, тогда члена главнаго правленія училищъ, она, какъ «изложенная по философскимъ началамъ, всегда слабымъ», отмѣнена; всѣ экземпляры ея отобраны и проданы бумажному фабриканту по 50 коп. за пудъ, съ тѣмъ, чтобы никому оныхъ не раздавать, а употреблять единственно на бумажную мельницу (*Записки адмирала А. С. Шишкова въ Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1868 г., кн. III, стр. 81*). Замѣчательно, что Тимковскій находилъ эту книгу мелкою для гимназій.

„Въ знакомствѣ вашемъ найдя ваше ко мнѣ благорасположеніе, видѣлъ съ каковымъ усердіемъ вы стараетесь оправдать возложенную на васъ должность; признательность и мое особенное почтеніе къ вамъ, милостивый государь, а притомъ желая въ усердіи вашемъ принести и мою жертву,—прошу покорнѣйше принять прилагаемые при семъ 120 штукъ русскихъ и иностранныхъ монетъ для доставленія въ Харьковскій университетъ“.

Профессоръ Стойковичъ, по осмотръ гимназій и училищъ Екатеринославской гимназій въ 1808 году, въ отчетѣ своемъ училищному комитету указывалъ на необходимость практическаго и ближайшаго ознакомленія учителей со способами преподаванія наукъ, прежде отправления ихъ на мѣсто: „ибо всякая наука должна имѣть особый способъ преподаванія“. Вслѣдствіе того, комитетъ призналъ необходимою и опредѣлилъ, съ разрѣшенія совѣта, привести въ исполненіе слѣдующую, вовсе не бывшую до того времени въ употребленіи мѣру: „чтобы таковыя студенты получали относительныя къ тому замѣчанія на лекціяхъ своихъ; сверхъ того, прежде отправления ихъ къ должности, для лучшаго пріобученія, ходили слушать всѣ предметы,—опредѣляемые въ гимназій на двѣ или на три недѣли въ Слободско-украинской гимназій, а опредѣляемые въ уѣздныя училища — на двѣ недѣли въ оной гимназій и на двѣ — въ Харьковскомъ уѣздномъ училищѣ; таковое же положеніе можно, по усмотрѣнію, простирать на опредѣляемыхъ со стороны учителей, съ тѣмъ, чтобы какъ тѣ, такъ и другіе, по прошествіи срока, представляли о томъ въ собраніи комитета свои замѣчанія, и потомъ, въ присутствіи одного или двухъ профессоровъ, дали сами по два урока въ оныхъ по своимъ предметамъ“. Въ томъ же отчетѣ Стойковичъ проситъ комитетъ купить нѣсколько книжекъ для раздачи прилежнѣйшимъ, замѣченнымъ имъ, ученикамъ, двумъ въ каждомъ классѣ. „Таковъ способъ награжденія“ — говоритъ онъ — „есть самый естественный и весьма подѣйствуетъ на умъ молодыхъ учениковъ, такъ что всѣ они будутъ стараться отъ слѣдующаго визитатора получить награжденіе и для того ревностно будутъ заниматься предметами“.

Въ одномъ изъ своихъ отчетовъ (1810 г.) Дюгуръ указываетъ на неправильныя отношенія, существовавшія тогда между директорами гимназій и смотрителями училищъ, съ одной стороны, и учителями, съ другой, такъ какъ первые обращались съ учителями презрительно и требовали отъ нихъ рабской покорности. „Не получили ли мы въ прошломъ году“ — прибавляетъ Дюгуръ — „жалобы иностраннаго учителя, который писалъ въ университетъ, что директоръ приходилъ въ его классъ въ туфляхъ, въ халатѣ и съ трубкою во рту“? Вмѣстѣ

съ тѣмъ Дюгуръ предлагаетъ, для опредѣленія этихъ отношеній, составить особую инструкцію и предписать ее къ непремѣнному исполненію. Командированный въ 1814 году въ Одессу, для совѣщанія съ Ришелье о соединеніи тамошняго благороднаго пансіона съ гимназіей, Дюгуръ высказываетъ въ отчетѣ практическую мысль о необходимости сообразовать устройство пансіона, какъ особой части гимназін, съ мѣстными потребностями и господствующимъ направле-ніемъ занятій жителей. Предлагаемую имъ замѣну древняго грече-скаго и нѣмецкаго языковъ новогреческимъ и италіанскимъ онъ объ-ясняетъ тѣмъ, что „Одесса заключаетъ въ себѣ великое множество Грековъ, чрезъ коихъ совершается большая часть ея торговли, и наши сношенія съ Архипелагомъ Средиземнаго моря суть великой важности“; притомъ такая мѣра, представляющая Одесскимъ Грекамъ возможность учиться тому, чего сами желаютъ, поселить въ нихъ до-вѣренность къ правительству.

Въ отчетѣ Каменскаго, ревизовавшаго въ 1812 году Черниговскія училища, находится даже особый отдѣлъ подъ названіемъ *разныхъ замѣчаній*, въ которомъ, между прочимъ, находятся довольно любопыт-ныя свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи городовъ Черниговской губерніи.

Впрочемъ, самыя инструкціи, которыми снабжалъ училищный ко-митетъ своихъ визитаторовъ, вмѣняютъ послѣднимъ въ обязанность обращать вниманіе не только на отношеніе жителей къ школамъ, но и на образъ ихъ жизни и занятія и вообще на все достопримѣча-тельное. Такъ, въ инструкціи Тимковскому, отправлявшемуся для ревизи въ Воронежскую губернію въ 1805 году, вмѣняется ему въ обязан-ность, между прочимъ, „замѣчать народныя въ разныхъ мѣстахъ упраж-ненія и роды промышленности, сколько время позволить, и сколько сіе потребно на тотъ конецъ, дабы къ познанію и усовершенствованію ихъ можно было самое ученіе наклонять и приноравливать въ учи-лищахъ“. Въ инструкціи назначеннымъ въ 1807 году для ревизіи Рижскому и Тимковскому, въ пунктѣ 8-мъ, сказано: „Вникать въ об-разъ и степени промышленности градской и сельской, сколько сіи свѣ-дѣнія потребны для статистики округа и примѣненія въ немъ уче-нія“. Въ пунктѣ 9-мъ: „Какъ мѣста Харьковскаго округа, по кото-рымъ проѣзжать вамъ слѣдуетъ, содержать въ себѣ многіе историче-скіе памятники, какъ то: камни въ фигурахъ, камни съ надписями, надписи на зданіяхъ, развалины, монеты, медали и пныя древнія из-дѣлія, то пользуясь случаемъ, отрывать и находить ихъ и собирать о нихъ свѣдѣнія; можете достойнѣйшія изъ удобопереносимыхъ при-

торговать, или по усмотрѣнію и покупать для кабинета сего университета, для чего отпускается 300 рублей“. Въ инструкціи Стойковичу, командированному въ 1809 году въ землю войска Донскаго, кромѣ того, замѣчено: „Особенно обратить вниманіе на мѣсто, лежащее по дорогѣ изъ Харькова въ Таганрогъ, въ Изюмскомъ уѣздѣ, отъ слободы Савинецъ по лѣвую сторону рѣки Донца и простирающееся на 9 верстъ, въ которомъ найдены уже многія окаменѣлости, изъ коихъ нѣкоторыя представлены въ университетъ переводчикомъ онаго Фирсовымъ“. „Въ продолженіе моего путешествія“ — пишетъ Дюгуръ въ отчетѣ о ревизіи школъ Курской и Орловской губерній въ 1810 году — „я старался обогатить университетъ нѣкоторыми драгоценными предметами изъ исторіи. Но все, что могъ получить, состоитъ въ рукописи князя Курбскаго объ исторіи Іоанна Васильевича Грознаго: по отзыву Успенскаго, очень важная и заслуживаетъ того, чтобы снять съ нея копію“.

Вообще университетъ съ большимъ усердіемъ и полною добросовѣстностію относился къ дѣлу объ устройствѣ школъ и надзорѣ за ними (хотя послѣдній прямо къ нему не относился), и тѣмъ необыкновенно усиливалъ свое вліяніе на распространеніе образованія въ краѣ. Объ этомъ усердіи и добросовѣстности свидѣлствуютъ все сохранившіяся дѣла училищнаго комитета, множество подробныхъ и тщательно составленныхъ вѣдомостей и донесеній совѣту. Попечитель Потоцкій цѣнилъ эту дѣятельность университета, и какъ доказательство его вниманія къ ней, сохранилось его отношеніе въ университетъ, отъ 1-го декабря 1808 года, слѣдующаго содержанія: „Главное правленіе училищъ, усмотрѣвъ изъ представленія моего, что стараніемъ училищнаго комитета открыты въ Харьковской губерніи всѣ училища на такомъ основаніи, какое потребно по новому плану, предоставило мнѣ изъяснить оному комитету признательность за особенное попеченіе его въ устройствѣ училищъ“.

Не легко, однако, доставались успѣхи по этой части училищному комитету; не мало непріятностей пришлось перенести за нихъ университету; не легко было и путешествовать по южной Россіи, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія ¹⁾. Профессоръ Шумлянскій, возвратясь

¹⁾ Въ 1805 году университетъ обращался къ попечителю съ разрѣшеніемъ купить двѣ коляски въ 400 — 600 рублей для объѣздовъ училищъ. Попечитель согласился, выразивъ надежду, что «университетъ во всякомъ случаѣ не упуститъ изъ виду сохраненіе находящихся въ распоряженіи его суммъ» (30-го октября). Въ 1809 году онъ разрѣшилъ купить двѣ новыя коляски съ слѣдующимъ замѣ-

изъ Полтавской губерніи, въ засѣданіи совѣта 9-го марта 1810 года подалъ особый рапортъ „de molesto et duro visitatorum officio et variis incommoditatibus, quae itinera eorum tum domi, tum in ipsa via concomitantur“, предлагая назначить за этотъ трудъ особое вознагражденіе и считать его особою заслугою. Совѣтъ опредѣлилъ имѣть это въ виду въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по представленіи ревизоромъ отчета и по обсужденіи его. Что же касается до непріятностей, поводомъ къ которымъ были визитаціи училищъ, то мы остановимся здѣсь на одной изъ нихъ, надѣлавшей много хлопотъ университету и имѣвшей для него весьма серіозныя послѣдствія.

Въ Курскомъ уѣздномъ училищѣ, вскорѣ послѣ открытія университета, начались несогласія между смотрителемъ Кондратьевымъ и учителями, особенно Шолковымъ. „Строптивость и непокорный нравъ Шолкова“ — сказано въ одномъ донесеніи комитета совѣту — „извѣстны университету изъ многихъ производившихся въ ономъ дѣлъ; онъ былъ въ разныхъ училищахъ, а потомъ въ Рильскѣ, откуда также переведенъ по ссорѣ съ тамошнимъ градскимъ главою, за что, по опредѣленію правленія, университетъ сдѣлалъ ему строгій выговоръ; въ бытность же въ Курскѣ, сверхъ частныхъ его съ директоромъ, смотрителемъ и учителями ссоръ, производилось въ 1808 и 1809 годахъ формальное по сему предмету дѣло“. По рѣшенію комитета 15-го іюня 1809 года, учиненъ ему строжайшій выговоръ. А потому отправлявшемуся въ 1810 году ревизоромъ въ Курскую губернію Дюгуру поручено было обратить особенное вниманіе на эти несогласія. Разобравъ дѣло на мѣстѣ, Дюгуръ однако убѣдился, что Шолковъ, по свидѣтельству и друзей, и недруговъ, „отправляетъ свою должность съ величайшимъ раченіемъ, и что нравственное поведеніе его, какъ отца, равно и относительно благопристойности и трезвости безпорочно“; но вмѣстѣ съ тѣмъ Дюгуръ объяснилъ, что онъ не ручается, чтобы Шолковъ не былъ суровъ и жестокъ съ своими учениками. (Впрочемъ обвиненія въ побояхъ крестнаго сына смотрителя и родственника директора училищъ Любарскаго кажутся Дюгуру подозрительными).

„Шолковъ“ — говоритъ въ своемъ отчетѣ Дюгуръ — „имѣетъ даръ возвышенный, твердый и чрезмѣрно щекопливый нравъ, почему онъ и скоро приходитъ въ вспыльчивость. Можно судить потому, сколь легко его можно разтрогать, когда увидятъ небольшіе доскутки бумаги, на коихъ посылаемы ему были приказанія, кои представлены мнѣ были отъ него, какъ доказатель-

чаніемъ: «Желательно только, чтобъ оныя сколько возможно были легче, дабы не нужно было припрягать къ онымъ излишняго числа лошадей» (19-го іюля).

ства малаго уваженія, которое ему оказывали. Однако же сей учитель ходитъ къ начальнику всякій праздникъ, которые визиты здѣсь обыкновеніемъ введены и почитаются долгомъ. Легко можетъ статься, что учтивость его въ сіи торжественные дни строго бываетъ судима и считается грубою, и что, можетъ-быть, по сей причинѣ или по какой иной желаютъ удаленія его изъ Курска“.

Директоръ училищъ Любарскій жаловался, что Шолковъ знать не хочетъ начальства, и будто бы грозился даже заколоть Любарскаго, а потому послѣдній просилъ предать Шолкова суду. Самъ же Шолковъ жаловался ревизору на всевозможныя притѣсненія и оскорбленія не только со стороны смотрителя, но и со стороны Любарскаго, который въ присутствіи учителей бранилъ его крайне грубо. Изъ показаній Любарскаго, между прочимъ, оказывается, что смотритель Кондратьевъ явился однажды въ училище *въ нѣсколько пьяномъ видѣ* и предъ всѣми дѣлалъ выговоръ Шолкову, а потому „нечего удивляться“, — замѣчаетъ Дюгуръ, — „если онъ предъ смотрителемъ забылся“. Учителя гимназій Пузановъ, Василевскій ¹⁾ и Паратичъ (географическіе уроки котораго директоръ предписалъ Шолкову посѣщать) отзывались также въ пользу Шолкова. На основаніи благопріятнаго отзыва ревизора, училищный комитетъ опредѣлилъ: „Такъ какъ Дюгуръ уже сдѣлалъ Шолкову выговоръ, признать его уже довольно наказаннымъ, оставить дѣло безъ дальнѣйшаго изысканія и тѣмъ окончить всѣ бывшія о Шолковѣ не рѣшенныя дѣла, а директору и смотрителю внушить о недостойномъ ихъ обращеніи съ учителями, подающемъ поводъ къ заведенію весьма непріятныхъ для университета дѣлъ, тѣмъ болѣе, что разбирательство ихъ, не принадлежа къ числу существенныхъ занятій комитета, не мало для него бываетъ обременительно“. Понятно, что такое окончаніе дѣла, при крайнемъ раздраженіи сторонъ, могло только повести къ началу новаго, что и оказалось въ скоромъ времени.

Въ іюлѣ 1811 года, по отсутствію подписи Пузанова въ ежемѣсячныхъ вѣдомостяхъ о денежныхъ суммахъ и по отзыву этого

¹⁾ Пузановъ и Василевскій, а также Рудневъ, были воспитанниками Харьковскаго университета. Вотъ отзывъ о нихъ Дюгура въ отчетѣ: «Они прославили гимназію, особливо же первый изъ нихъ. Порядочное ихъ поведеніе, усердіе ихъ въ преподаваніи предметовъ и просвѣщеніе, которое въ нихъ видать, приобрѣли имъ общее уваженіе. Мы весьма пріятно извѣстить университетъ, что и въ другихъ городахъ, гдѣ я нашелъ учителей, изъ университета выпущенныхъ, они равномерно успѣли приобрести къ себѣ личное уваженіе». Въ засѣданіи совѣта 1-го ноября 1811 года Стойковичъ предлагалъ пригласить Пузанова на мѣсто лектора въ университетъ.

учителя, правленіе университета узнало о безпорядочномъ и незаконномъ обращеніи Любарскаго съ казенными деньгами. Въ своемъ отзывѣ Пузановъ доносилъ правленію, что въ казначействѣ денегъ вовсе нѣтъ, и что учитель Василевскій подписался, не выдавъ денегъ, такъ какъ рано утромъ 1-го іюля выѣхалъ изъ Курска. Немедленно было рѣшено снова отправить профессора Дюгура для изслѣдованія дѣла, а казенную палату просить не выдавать Любарскому 11.108 рублѣй 48½ коп., назначенныхъ на постройку Курской гимназіи. Изъ донесенія Дюгура оказалось, что хотя гимназическая и училищная сумма, по его требованію, и была представлена ему въ цѣлости, но она съ ноября 1810 года была взята Любарскимъ изъ уѣзднаго казначейства и до сего времени въ немъ не хранилась; что объ этомъ знали всѣ учителя, подписывавшіе ежемѣсячныя вѣдомости, и что іюльская вѣдомость подписана была вовсе безъ освидѣтельствованія суммъ, да и свидѣтельствовать было нечего, такъ какъ сумма была уже вся издержана. Правленіе опредѣлило сдѣлать строжайшій выговоръ директору Любарскому съ предписаніемъ впредь хранить казенныя деньги въ уѣздномъ казначействѣ, подѣ опасеніемъ строжайшаго взысканія по законамъ; учителямъ также былъ сдѣланъ строгій выговоръ за несоблюденіе узаконенныхъ формъ въ освидѣльствованіи казенныхъ суммъ. Дѣло это еще болѣе усилило вражду между директоромъ и учителями, и раздоръ дошелъ до того, что училищный комитетъ нашелъ нужнымъ въ томъ же году командировать въ Курскъ профессора Успенскаго и адъюкта Васильева. Послѣдніе, по изслѣдованіи дѣла на мѣстѣ, донесли комитету, что преподаваніе идетъ надлежащимъ порядкомъ, и что учителя заслуживаютъ отличной похвалы, кромѣ Ушакова, учителя рисованія, „по его строптивости и малому вниманію къ своему занятію“. На основаніи этого донесенія, комитетъ опредѣлилъ: „Ушакова, не оставляющаго своего строптиваго нрава, удалить вовсе отъ настоящей службы, съ удовлетвореніемъ по день отправления должности жалованьемъ“. Ушаковъ обратился съ жалобою прямо къ министру народнаго просвѣщенія, графу А. К. Разумовскому ¹⁾.

Въ февралѣ 1812 года комитетъ, основываясь на отчетѣ ревизора профессора Каменскаго, по неимѣнію учителя естественной исторіи,

¹⁾ Дюгуръ въ своемъ отчетѣ 1810 года характеризуетъ Ушакова, какъ учителя весьма посредственнаго и иногда обращающагося грубо съ учениками; на него жаловался даже вице-губернаторъ. Любарскій просилъ о его увольненіи, желая опредѣлить на его мѣсто Роберти.

технологіи и коммерціи въ Новгородъ-Сѣверской гимназін, распорядился перемѣщеніемъ Пузанова на эти предметы изъ Курской въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію, безъ сомнѣнія, по настоянію Любарскаго, а послѣднему поручилъ замѣнить Пузанова въ Курскѣ кѣмъ-либо „по удобности изъ тамошнихъ гимназическихъ или уѣзднаго училища чиновниковъ, напримѣръ, *теперешнимъ смотрителемъ*“ (Кондратьевымъ) ¹⁾. Пузановъ сказался больнымъ, и къ нему на квартиру стали собираться всѣ враждебные директору учителя на совѣщанія, слѣдствіемъ которыхъ было ихъ коллективное прошеніе въ университетъ. Между тѣмъ комитетъ опредѣлилъ перевести на мѣсто Пузанова учителя тѣхъ же предметовъ Таганрогской гимназін Сазонова, который немедленно и отправился въ путь. Любарскій начиналъ торжествовать, благодаря благопріятнымъ для него рѣшеніямъ училищнаго комитета, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ Стойковича, бывшаго тогда ректоромъ. Враждебная ему партія, съ удаленіемъ Пузанова и Ушакова изъ Курска, значительно ослабѣла. Возвратясь изъ отпуска, Любарскій рѣшился повести дѣло дальше и обратился къ уѣздному училищу съ цѣлію очистить и его отъ своихъ недруговъ, удаливъ прежде всего ненавистнаго ему Шолкова, неизмѣннаго союзника враждебныхъ ему учителей гимназін, и затѣмъ самого смотрителя. Въ дѣлахъ сохранилось любопытное частное письмо Любарскаго къ ректору Стойковичу слѣдующаго содержанія.

„По предложенію вашему отъ 2-го марта все сдѣлано, и какъ ученики, такъ и чины, живущіе въ гимназін, со стороны чистоты и благопристойности, обезпечены. Касательно послѣдняго пункта, порядокъ въ классахъ возстановленъ; но занятіе гг. учителей (въ ожиданіи рѣшенія судьбы ихъ, по общему ихъ прошенію, въ университетъ отправленному, и сейму въ квартирѣ болящаго Пузанова ежедневно собираемому) продолжается по однимъ обязанностямъ, безъ прежней, Курской гимназін чести дѣлавшей, ревности... Кондратьевъ и Шолковъ, по всегдашней противоположности взаимной, крайне тяготятъ меня и свое званіе; послѣдній подалъ мнѣ прошеніе о небреженіи и злоупотребленіи перваго при покупкѣ дровъ, о чемъ произвожу слѣдствіе.... Кондратьевъ подаетъ частныя безпокойному характеру Шолкова, но основательныя причины къ негодованію, а послѣдній нещадно отплачиваетъ ему, даже публично и при самыхъ ученикахъ безчестя своего начальника. Къ успокоенію безпорядковъ, необходимо ихъ разлучить, какъ уже и представилъ я Шолкова въ Путивль. Къ совершенному же достиженію порядка и покоя моего, хотя при окончаніи службы, отставка Кондратьева, съ заслуженнымъ

¹⁾ Тогда же, въ февралѣ, по рапорту правящаго должность директора училищъ Венедиктова (Любарскій былъ въ отпуску) уволенъ отъ должности по прошенію учитель уѣзднаго Курскаго училища Семейкинъ.

25-лѣтнею службою награжденіемъ, послѣдняя мѣра, а для меня величайшее одолженіе“.

На это письмо, какъ видно, Любарскій получилъ отъ Стойковича благопріятный отвѣтъ съ порученіемъ предложить Кондратьеву подать въ отставку. О такомъ отвѣтѣ свидѣтельствуетъ сохранившееся письмо послѣдняго объ отставкѣ, отъ 6-го апрѣля, на имя ректора.

„Обремененъ будучи *многомысліемъ*“ — пишетъ въ немъ Кондратьевъ — „и не находя здѣсь утѣшенному горестію сердцу моему никакого облегченія, посиѣшаю прибѣгнуть подъ отеческій покровъ вашего высокородія. Удостоите ока страждущее семейство мое! И яко чадолюбивый отецъ, по верховному начальству своему, не оставьте безъ милосердаго призрѣнія своего его и ослабѣвающаго отъ многолѣтнихъ и усердныхъ на службу трудовъ, но нужнаго къ подкрѣпленію, воспитанію и надлежащему содержанію онаго. P. S. О увольненіи меня отъ настоящей должности *прошеніе подавъ я. Сотворите со мною начальническую и отеческую милость*, да не лишень буду высочайшей награды. Будьте милосерды, яко и Отецъ небесный милостивъ есть къ прибогающимъ къ нему съ вѣрой и надеждою“.

Между тѣмъ училищный комитетъ, безъ сомнѣнія, по обсужденіи представленнаго ему ректоромъ и ужъ извѣстнаго намъ письма Любарскаго, рѣшилъ иначе: „для совершеннаго водворенія въ Курскѣ спокойствія“, онъ опредѣлилъ (5-го апрѣля) перевести Кондратьева смотрителемъ въ Рильскъ, о чемъ ему немедленно и дано знать. Такимъ образомъ Курскій смотритель въ одномъ и томъ же мѣсяцѣ получилъ изъ университета два различныя рѣшенія своей судьбы—одно прямо отъ ректора чрезъ Любарскаго и другое—отъ училищнаго комитета, гдѣ впрочемъ предсѣдателемъ былъ тотъ же ректоръ. Не долго думая, Кондратьевъ отправилъ свое прошеніе объ отставкѣ къ министру, съ прописаніемъ всего дѣла и съ просьбой или оставить его въ Курскѣ, или уволить вовсе отъ службы ¹⁾.

¹⁾ О переводѣ и отставкѣ Кондратьева въ дѣлахъ сохранилось длинное объяснительное письмо ректора Стойковича въ совѣтъ. Изъ него видно, что Кондратьева, за его безпокойный нравъ, еще за долго до описываемаго нами времени предполагали перевести въ Воронежъ. Явившись въ Харьковъ и объяснивъ комитету, что онъ предпочтетъ переводу отставку, Кондратьевъ упросилъ оставить его въ Курскѣ; но въ то же время Кондратьевъ отправилъ попечителю прошеніе такого же содержанія, не надѣясь, конечно, на успѣхъ въ комитетѣ. Однако комитетъ склонился на просьбу Кондратьева, и попечитель, съ своей стороны, тоже согласился оставить его въ Курскѣ до перваго случая. По прибытіи новаго директора Любарскаго, Кондратьевъ снова завелъ смуты, поссоривъ прежде всего Пузанова съ директоромъ, но дѣйствовалъ весьма осторожно и хитро. Директору Слободско-Украинской гимназіи Шредеру (отправленному въ Курскъ на слѣдствіе) онъ обѣщалъ подать въ отставку и не сдержалъ слова,

Какъ ни старался, однако, Любарскій, для своего успокоенія, хотя къ концу своей службы, освободить гимназію и уѣздное училище отъ враждебныхъ ему элементовъ, тотъ сеймъ, который собирался ежедневно въ квартирѣ больного Пузанова, дѣлалъ свое дѣло, не давалъ ему покоя и довелъ его, наконецъ, до того, что онъ обратился съ слѣдующимъ, не лишеннымъ интереса, рапортомъ къ училищному комитету, отъ 10-го марта:

„Буйство нѣкоторыхъ подвѣдомыхъ мнѣ чиновъ, своекорыстно руководствуемыхъ видами учителя Пузанова, достигаетъ крайности, превышающей мѣру силъ моихъ къ ограниченію онаго, для чести и пользы учебныхъ заведеній. Пренебреженіе правилъ подчиненности и неповиновеніе ихъ, уничтожая заслуги и званіе мое, разстроили въ конецъ и безъ того слабыя силы мои физическія.... Каждый изъ означенныхъ чиновниковъ позволяетъ себѣ требовать отчета въ моемъ поведеніи, исправленіи должности и дѣлать на то замѣчанія; находить себя въ правѣ вынуждать отъ меня засвидѣтельствованныя копіи изъ дѣлъ и предписаній университета для представленія министру, дѣлаетъ мнѣ упреки въ принятіи противной имъ стороны и угрожаетъ письмами къ министру“.

Дѣло, какъ жаловался Любарскій, доходило до того, что одинъ учитель угрожалъ жаловаться министру на его притѣсненія, на течъ въ крышѣ гимназіи и на нечистоту двора, и произносилъ при этомъ ругательныя слова. Въ заключеніе директоръ спрашиваетъ разрѣшенія, обязанъ ли онъ удовлетворять требованія учителей, и въ случаѣ крайняго разстройства своего здоровья, кому долженъ онъ поручить должность. Для изслѣдованія дѣла, немедленно отправленъ былъ въ Курскъ директоръ Слободско-Украинской гимназіи, Шредеръ, который, по возвращеніи въ Харьковъ, донесъ (27-го марта), что главнѣйшими виновниками несогласія были Пузановъ и Рудневъ, особенно послѣдній. Профессоръ Шумлянскій находилъ многія обстоятельства въ донесеніи Шредера подлежащими судебному производству, а потому и все донесеніе — передачѣ въ правленіе.

продолжая сѣять раздоръ. Въ заключеніе этихъ объясненій Стойковичъ совершенно отрицаетъ показаніе Кондратьева, будто послѣдній вынужденъ былъ къ отставкѣ Любарскимъ по письму ректора, хотя сопоставленіе обстоятельствъ дѣла неизбѣжно наводитъ на это письмо, да едва-ли Любарскій и позволилъ бы себѣ дѣйствовать такъ, не имѣя положительнаго отвѣта на известное намъ письмо его къ ректору объ отставкѣ Кондратьева. Отрицая этотъ фактъ, Стойковичъ, разумѣется, долженъ былъ отрицать и то, что Кондратьевъ получилъ сначала предписаніе объ отставкѣ, а потомъ о переводѣ въ Рыльскъ. «Illucebit illa dies» — восклицаетъ Стойковичъ — «qua fatebuntur suo tempore magistri Pus-anoff et Rudneff, se ad passus, quos fecere, per hunc hominem perductos fuisse»,

Въ такомъ положеніи находилось дѣло о ссорѣ Курскихъ педагоговъ, когда, въ началѣ апрѣля 1812 г., университетъ вдругъ получилъ предписаніе министра „удаленнаго Ушакова немедленно допустить къ должности впредь до разсмотрѣнія (министромъ) дѣла, и назначенныхъ къ переводу изъ той же гимназіи въ другія мѣста учителей равнымъ образомъ оставить при прежнихъ должностяхъ“ (Донесеніе училищнаго комитета совѣту университета отъ 5-го апрѣля). Въ засѣданіи 8-го апрѣля, совѣтъ потребовалъ отъ комитета обстоятельной справки о причинахъ удаленія отъ должности учителя Ушакова. Въ началѣ іюня университетъ получилъ отъ министра новое предписаніе такого же содержанія о Бондратьевѣ — „оставить его въ Курскѣ по прежнему до разсмотрѣнія имъ университетскаго объясненія“. Мало этого. Для изслѣдованія всѣхъ Курскихъ безпорядковъ на мѣстѣ, министръ командировалъ экспедитора своей канцеляріи, коллежскаго совѣтника Дунина-Барковскаго, который и затребовалъ отъ университета всѣ относящіеся сюда дѣла. Эти распоряженія министра произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на университетъ и большую тревогу. Университетъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ вдвойнѣ: въ своихъ правахъ и въ своемъ достоинствѣ. По уставу 1804 года, окончательное рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, касающихся училищъ и гимназій, не только учебныхъ, но и спорныхъ и тяжбныхъ, предоставлено было училищному комитету и университетскому правленію ¹⁾, а потому на вмѣшательство министра совѣтъ взглянулъ, какъ на явное нарушеніе своихъ правъ, утвержденныхъ Высочайшею волею. Въ назначеніи министерскаго чиновника для суда надъ дѣйствіями университетскаго совѣта, которому и комитетъ, и правленіе были обязаны отчетностію, университетъ видѣлъ величайшее оскорбленіе своего достоинства. Начался рядъ бурныхъ засѣданій совѣта. Трудно представить себѣ волненіе, овладѣвшее профессорами, большинство которыхъ состояло изъ иностранцевъ, имѣвшихъ особенно высокое понятіе объ университетской автономіи. Ректоръ Стойковичъ не только не сдерживалъ и не умѣрялъ этого возбужденнаго состоянія совѣта, но еще поддерживалъ и усиливалъ его, такъ какъ въ его интересъ было отстоять всѣ состоявшіяся рѣшенія по Курскому дѣлу, въ которомъ онъ дѣйствовалъ не безъ произвола и стороннихъ побужденій, о чемъ можно заключать

¹⁾ По § 8 устава на рѣшеніе правленія можно было апеллировать только въ сенатъ, а § 164 предоставлялъ училищному комитету право увольнять учителей отъ службы на время и навсегда, и только объ увольненіи директоровъ гимназій представлять попечителю.

изъ его переписки съ Любарскимъ. Результатомъ этихъ продолжительныхъ и бурныхъ совѣщаній и было то опредѣленіе большинства (Стойковичъ, Осиповскій, Делавинъ, Книгинъ, Шадъ, Гизе, Ванноти, Дрейсигъ, Роммель, Нельдехенъ и Лангъ), которое имѣло столь тяжкія послѣдствія для университета. Сущность этого опредѣленія состояла въ оправданіи всѣхъ состоявшихся рѣшеній совѣта по Курскому дѣлу, въ указаніи ихъ законности и даже снисходительности, въ указаніи вреда отъ отмѣны этихъ рѣшеній и отъ подрыва университетскаго авторитета, а слѣдовательно, и въ непризнаніи правъ Дунина-Барковского на производство слѣдствія ¹⁾. Министръ былъ крайне недоволенъ этимъ опредѣленіемъ и считалъ необходимымъ употребить самыя рѣшительныя мѣры противъ дѣйствій профессоровъ. Представленіе совѣта было препровождено имъ въ комитетъ министровъ, и вотъ постановленіе послѣдняго, находящееся въ отношеніи Харьковскаго губернатора Бахтина въ университетъ отъ 8-го ноябля 1812 года, за № 835: профессоровъ, подписавшихъ мнѣніе о непризнаніи назначенія Дунина-Барковского, *„призвать въ Харьковское губернское правленіе и сдать имъ строжайшій выговоръ, съ подтвержденіемъ, что ежели впредь окажутъ подобное непослушаніе, то будутъ преданы суду“*.

Совѣтъ, разумѣется, не ждалъ такого исхода дѣла, и оно поразило его, какъ громомъ. Первымъ дѣломъ его было обратиться къ Бахтину и просить его, чтобъ онъ пріостановилъ приведеніе въ исполненіе предписанія комитета министровъ. Бахтинъ, всегда благосклонно относившійся къ университету, не смотря на нѣкоторую собственную отвѣтственность, согласился, и черезъ пять дней, вмѣстѣ съ отношеніемъ самого Бахтина къ министру, отправлено было изъ университета съ эстафетою коллективное письмо профессоровъ къ министру слѣдующаго содержанія:

Monsieur le comte! La lettre que votre excellence a adressée au sénat de l'université impériale de Karkoff (мы не нашли въ дѣлахъ этой бумаги) et l'ordre qu'a reçu le gouverneur de la même ville, nous ont tous frappés d'étonnement et de douleur. Violer les lois de l'empire, nous soustraire à l'obéissance

¹⁾ Изъ дѣла видно, что Ушаковъ, не смотря на предписаніе министра, не былъ оставленъ комитетомъ при своей должности, и былъ удовлетворенъ жалованьемъ только по 23-е января 1812 года. Университетъ въ слѣдующемъ году (въ мартѣ) долженъ былъ представить особое объясненіе по этому дѣлу. Ушаковъ вѣдиль самъ въ Петербургъ съ жалобою на незаконное, по его мнѣнію, увольненіе.

qui est due à un ministre dont nous avons, dans le sentiment de la plus vive reconnaissance, proclamé, il y a à peine dix-huit mois, la sagesse et les bienfaits, ne fut jamais dans le coeur d'aucun de nous ¹⁾). Un article de nos statuts, mal interprété, a fait faire à la majorité du sénat une faute très grave, mais bien involontaire, puisque personne n'en avait la conscience. Ceux qui l'ont commise sont prêts à subir la peine prononcée contre eux. Mais le sénat académique ose vous prier, monsieur le comte, de pardonner l'erreur d'un moment. Confiant dans votre générosité, dans l'affection particulière que vous avez toujours montrée pour l'université de Karkoff, il a informé le gouverneur, M. Baktin, qu'il écrirait à votre excellence, et il a prié en même temps de vouloir bien suspendre, jusqu'à la réception de votre réponse, l'exécution des ordres qu'il a reçus. Daignez, monsieur le comte, accorder au sénat académique la grâce qu'il sollicite pour le plus grand nombre de ses membres, ou plutôt pour lui-même. Si votre excellence croyait ne pouvoir remettre la peine toute entière, que du moins elle consente à en diminuer l'éclat, en lui ôtant la publicité. Le sénat vous en prie au nom des lettres dont vous êtes le protecteur, au nom de l'instruction publique dont chacun de nous s'efforce de procurer l'avancement, au nom de l'honneur enfin que ne doit jamais perdre le collège administratif d'une grande institution nationale, une université surtout qui est chargée de fonctions importantes et qui ne craint pas d'en appeler à votre excellence même du zèle qu'elle met à les remplir. Le sénat académique a cru devoir joindre à cette humble pétition le procès verbal de sa séance de ce jour dans lequel il espère que vous trouverez, monsieur le comte, des raisons qui diminueront peut être à vos yeux la faute qu'il a commise ²⁾).

¹⁾ Письмо это, писанное на прекрасномъ латинскомъ языкѣ въ маѣ 1811 года, вскорѣ послѣ удаленія Потоцкаго въ Варшаву, находится при дѣлахъ университета. Спустя девять мѣсяцевъ, въ февралѣ 1812 года, университетъ отправилъ новое коллективное письмо министру съ просьбой объ увеличеніи содержанія, вслѣдствіе сильнаго упадка курса.

²⁾ Переводъ: «Сіятебѣйшій графъ! Письмо, которое ваше сіятельство изволили препроводить въ совѣтъ Императорскаго Харьковского университета, и предписаніе, которое получилъ г. Харьковскій губернаторъ, поразили всѣхъ насъ удивленіемъ и горестью. Никогда ни одинъ изъ насъ не питалъ въ сердцѣ своемъ намѣренія нарушать законы имперіи и уклоняться отъ повиновенія министру, котораго мудрость и благодѣянія мы не даѣе какъ полтора года тому назадъ прославляли съ чувствомъ живѣйшей благодарности. Одна изъ статей нашего устава, неточно понятая, вовлекла совѣтъ въ ошибку важную, но совершенно невольную, такъ какъ никто не предвидѣлъ ея. Сдѣлавшіе ее готовы понести наказаніе, которое на нихъ наложено. Но совѣтъ университета осмѣливается просить васъ, сіятельнѣйшій графъ, простить минутное заблужденіе. Полагаясь на ваше великодушіе и на то особенное расположеніе, которое вы всегда изволили извѣщать въ отношеніи къ Харьковскому университету, совѣтъ довелъ до свѣдѣнія г. губернатора Бахтина, что онъ вошелъ съ представленіемъ къ вашему сіятельству, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ г. губернатора приостановить, до полученія вашего отвѣта, исполненіе полученнаго имъ предписанія. Благоволите, сіятельнѣйшій графъ, оказать университетскому совѣту снисхож-

На это письмо университетъ получилъ отъ министра слѣдующій отвѣтъ (отъ 28-го ноября за № 3852):

„Не состоитъ въ моей власти отмѣнять опредѣленія комитета министровъ. Впрочемъ, видя изъ упомянутого представленія раскаяніе профессоровъ въ ихъ поступки, я сообщилъ Харьковскому гражданскому губернатору, чтобы известное совѣту опредѣленіе комитета, если онъ находитъ къ тому средства, было сколько можно смягчено и не сдѣлалось гласнымъ. Хотя изъ приложеннаго при представленіи совѣта журнала и усматриваю я, что въ непризнаваніи посланнаго мною визитатора въ семь званіи профессора пристали къ мнѣнію ректора (Стойковича), но сіе ни мало не извиняетъ ихъ, поелику каждый за собственное мнѣніе отвѣтствовать обязанъ“.

Согласившись на смягченіе приговора комитета министровъ и на его негласность, министръ однако не отмѣнилъ своего рѣшенія командировать особаго ревизора для изслѣдованія Курскихъ безпорядковъ на мѣстѣ, хоть и сдѣлалъ уступку раскаявшемуся совѣту, назначивъ такимъ ревизоромъ не чиновника своей канцеляріи, а профессора Московскаго университета Двигубскаго ¹⁾.

28-го января 1813 года Двигубскій пріѣхалъ въ Курскъ и затребовалъ отъ университета всѣ дѣла, относящіеся къ Курскимъ безпорядкамъ, и кромѣ того, объясненія по разнымъ пунктамъ отъ визитаторовъ послѣдняго времени. Въ іюнѣ того же года училищный комитетъ уже доноситъ совѣту, что министръ, по разсмотрѣніи представленнаго Двигубскимъ дѣла о возникшихъ въ Курской гимназій

деніе, просимое имъ для большинства его членовъ, или лучше сказать, для всего его состава. Если ваше сіятельство не изволите признать возможнымъ отмѣнить вполнѣ наказаніе, то благоволите уменьшить его торжественность, лишивъ его гласности. Совѣтъ умоляетъ васъ о томъ во имя наукъ, коихъ вы покровитель, во имя народнаго просвѣщенія, усѣхамъ котораго силится содѣйствовать каждый изъ насъ, наконецъ во имя достоинства, котораго никогда не должно быть лишено управленіе важнаго національнаго учрежденія, въ особенности университетъ, имѣющій высокія обязанности и могущій безъ страха сослаться на свидѣтельство вашего сіятельства относительно того усердія, съ коимъ онъ ихъ исполняетъ. Совѣтъ университета счелъ долгомъ присоединить къ этой покорной просьбѣ журналъ своего настоящаго засѣданія, изъ коего, какъ онъ надѣется, вы, сіятельнѣйшій графъ, благоволите усмотрѣть нѣкоторые обстоятельства, могущія уменьшить въ вашихъ глазахъ сдѣланную совѣтомъ ошибку».

¹⁾ Должно замѣтить, что большинство совѣта, не признавшее правъ Дунина-Барковскаго, болѣе всего оскорблялось назначеніемъ для ревизіи министерскаго чиновника и просило министра, если онъ считаетъ необходимою такую чрезвычайную ревизію, назначить для нея члена главнаго правленія училищъ, или вообще чиновника высшаго разряда. Вотъ мнѣніе Стойковича: «Opinor, ut aliquis superioris ordinis mittatur pro re Kurskii inquirenda».

неустройствахъ, между прочимъ, предложилъ комитету: „1) учителей Паратича, Руднева и Пузанова, какъ главныхъ зачинщиковъ несогласія и находящихся въ безпрестанной ссорѣ, отъ чего весьма много потерпѣло ученіе, въ примѣръ другимъ, для удержанія толь нужнаго въ учебныхъ заведеніяхъ спокойствія, размѣстить въ другія гимназій, съ объявленіемъ имъ, что будутъ отрѣшены отъ мѣстъ безъ аттестатовъ, если впредь приличатся въ подобныхъ дѣяніяхъ; 2) утвердивъ удаленіе учителя рисованія Ушакова отъ должности за малое вниманіе къ оной и строптивость, а равно учителя Курскаго уѣзднаго училища Шолкова, который не имѣетъ познаній основательныхъ, ни порядка въ ученіи и безпрестанно живущаго въ ссорѣ съ начальниками и товарищами, уволить вовсе отъ учительской должности“. Кромѣ того, министръ опредѣлилъ не выдавать этимъ учителямъ никакого пособія на путевыя издержки. Что же касается до директора Любарскаго, то министръ, по заявленію его о болѣзненномъ его состояніи, предложилъ „не понуждать къ поѣздкѣ въ Курскъ (онъ тогда былъ въ Харьковѣ), совершеннымъ однакожъ увольненіемъ его отъ званія директора удержаться впредь до особаго опредѣленія“.

Такъ миновала гроза, разразившаяся надъ Харьковскимъ университетомъ какъ разъ въ тѣ мѣсяцы, въ которые Россія переживала страшную эпоху нашествія Французовъ и съ ними двадцати лѣтъ! Такъ дорого приходилось ему расплачиваться за то участіе въ устройствѣ учебнаго дѣла въ южной Россіи, которое требовалось отъ него уставомъ 1804 года, и которое однако вовсе не относилось къ его ближайшей и непосредственной дѣятельности! Въ настоящее время трудно и едва ли возможно съ точностію указать всѣхъ правыхъ и виноватыхъ въ этомъ дѣлѣ; можно съ достовѣрностію утверждать только то, что и со стороны Курскаго директора училищъ, и со стороны тамошнихъ учителей, раздраженіе доходило до крайней степени, при которой невозможно было соблюденіе строгой законности и справедливости. Можно утверждать еще, что директоръ Любарскій и смотритель Кондратьевъ принадлежали къ числу тѣхъ начальниковъ, которые смотрѣли на подвѣдомыхъ имъ чиновниковъ, какъ на людей, находящихся въ полномъ и безусловномъ ихъ распоряженіи, и которые хорошо описаны въ извѣстномъ намъ отчетѣ Дюгура, а учителя Шолковъ, и особенно первые питомцы Харьковскаго университета Пузановъ и Рудневъ, а также Сербъ Паратичъ, далеко не раздѣляли этого взгляда на подчиненіе и обнаруживали явное, хоть

и предосудительное въ глазахъ своего начальства стремленіе къ самостоятельности мнѣній и дѣйствій. Столкновение было неизбежно. Починъ въ этомъ столкновеніи безспорно принадлежитъ директору, если припомнить безпорядочное его распоряженіе казенными суммами. Если же допустить, что возникшій раздоръ находилъ себѣ пищу въ замѣтномъ произволѣ дѣйствій ректора, какъ предсѣдателя училищнаго комитета, и въ той короткости отношеній его къ Любарскому (о чемъ можно съ вѣроятностію заключать по сохранившейся въ дѣлахъ перепискѣ), той короткости, которая для участниковъ въ дѣлѣ могла имѣть гораздо болѣе ясный смыслъ, чѣмъ для насъ въ настоящее время, то разумѣется, на ректора должна пасть наибольшая тяжесть вины за Курскіе безпорядки, а относительно университета онъ, какъ покровитель Любарскаго, долженъ явиться главнѣйшимъ виновникомъ, такъ какъ совѣтъ университета въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ по весьма понятному довѣрію къ состоящему при немъ специальному учрежденію по учебной части. Оскорбленный въ своихъ правахъ, совѣтъ принялся упорно отстаивать эти права, и здѣсь онъ былъ по идеѣ совершенно справедливъ, стоя на твердой почвѣ устава; но онъ, повидимому, былъ несправедливъ въ излишнемъ довѣріи къ донесеніямъ ректора, завѣдывавшаго училищнымъ комитетомъ, что и вызвало сначала обращеніе учителей прямо къ министру, а потомъ строгія мѣры министра относительно совѣта.

Въ заключеніе этого очерка можно сказать, что трудная, беспокойная и отвѣтственная дѣятельность Харьковскаго университета по устройству учебной части и наблюденію надъ нею въ южной Россіи была, безспорно, благотворною для всего края. Частныя злоупотребленія, если они и были — а гдѣ ихъ нѣтъ — никогда не могутъ измѣнить это общее заключеніе. Если непосредственное вліяніе университетовъ на училища можетъ быть защищаемо и во всякое время, даже теперь, когда на дѣло народнаго образованія пролито много свѣта и когда отношенія предрежащихъ властей къ нему, при этомъ свѣтѣ, не могутъ представлять крупныхъ и рѣзкихъ аномалій; то нельзя не отозваться сочувственно о пользѣ непосредственнаго участія университета въ этомъ дѣлѣ въ началѣ нашего вѣка, и притомъ въ то время, когда, по закону 1803 года, вводилась новая система народнаго образованія, основанная на широкихъ началахъ.

Н. Лавровскій.